

Виктория Жобер

**И только память обо всем об
ЭТОМ...**

**Наталья Ильина в
воспоминаниях друзей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В43

В43 **Виктория Жобер**
И только память обо всем об этом...: Наталья Ильина в воспоминаниях друзей
/ Виктория Жобер – М.: Книга по Требованию, 2019. – 286 с.

ISBN 5-94457-189-6

В сборник вошли воспоминания о Наталии Ильиной (1914-1994), последняя глава ее автобиографической прозы "Тихий океан", статьи о ее книгах, письма читателей. Она вернулась на родину из Маньчжурии в 1947-м, окончила Литинститут и стала профессиональным литератором. Большая часть фотографий из семейного архива публикуется впервые.

ISBN 5-94457-189-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«Второе возвращение», над которой она работала последнее время. Здесь идет процесс переосмысления прожитой жизни на фоне исторических событий, проступает желание довести до понимания читателя всю сложность психологических переживаний русского человека, воспитанного на чужбине, всю жизнь стремившегося к себе домой, туда, где говорят и пишут на его родном языке. Ведь для нее, как она неоднократно повторяла своим близким, родина начиналась не с пейзажа с неизменными березками, а с русского языка. В основу «Тихого океана» легли воспоминания, которые она заставила себя написать в 1957 году, ровно через 10 лет после возвращения в Советский Союз в 1947 г. — в страшные последние годы сталинщины. Из этих воспоминаний явствует, что уже тогда, когда выходит первая часть ее романа «Возвращение», она своим умом и чутьем многое поняла, но отложила до лучших времен.

Все знают, что она не любила собирать всех своих друзей вместе, а звала к себе поодиночке или маленькими группами. Я думаю, что в этот раз она простит нам, что мы изменяем этой традиции. В отличие от ее кухни, которая не могла вместить столько гостей, наш сборник собрал почти всех близких друзей Натальи Иосифовны, и нам радостно видеть, что их так много.

Вероника Жобер
Март 2004 г.

КОРНИ

Ей не было шести лет, когда она встретила моего отца, — в тифу и без сознания его погрузили в соседний вагон поезда, который увозил из Омска Екатерину Дмитриевну Воейкову, мать Наташи Ильиной, и ее саму. Отца моего случайно обнаружили в брошенной больнице, он был морским офицером. Всю эту линию отступления держали морские офицеры, и отец Наталии Иосифовны тоже был морским офицером. Она все это вспомнила у нас за столом за рюмкой водки. А рядом сидел Александр Александрович, который сказал, что рюмка ему мала, другая оказалась великовата, а третья пришлось в самый раз. Отец познакомился с Реформатским в сороковые годы, уже после войны. А. А. преподавал языкознание, отец — сербский язык.

Ильина и Реформатский удивительно дополняли друг друга. И хотя у них не было детей, Н. И. была замечательным семьянином, она нежно о нем заботилась, — может быть, не без некоторой доли террора, но в семье это, знаете ли, как сказал поэт, «иго легкое твое». И делала она это всегда тонко, даже иронично, на что А. А. отвечал сторицей, прикрывая ответной иронией глубину чувства...

Ее очерк о Реформатском в журнале «Октябрь» я прочел сразу, вздохнул, и был взволнован и поражен — так все удивительно точно, с таким чувством меры и душевной правды. Нигде, ни об одной строчке нельзя сказать, что это нетипично для А. А. или это не совсем он. И даже вещи заговорили: и письменный стол, и треснувшее стекло, и гроб, на столе стоявший, и стол поминальный... И стол,

наполненный все теми же вещами и тот же, а без хозяина. У нас в доме в бывшей папиной комнате (мы никогда не говорим «бывшей» и не думаем так) тоже стоит стол — папин стол, на котором все, вплоть до случайно упавшей копейки, лежит так, как лежало в последние дни в 70-м году. И лежат карточки, на них толстенные очки, как положил их отец, чтобы вернуться к работе над словарем. И мы ждем, когда он вернется к этому столу... Перечитываю очерк Н. И., и снова прохожу в мыслях свой путь с Реформатским, и это двойное чтение и двойное восприятие одного и того же дорогого человека очень волнует меня.

С годами я чаще вспоминаю прошлое и особенно эмиграцию. Мне жаль теперь, иногда почти до слез, стариков, уходивших в чужую нерусскую землю, многочисленных генералов, польско-русских и остзейских русских графинь, простых донских казаков или казаков кубанских. Тогда их не было жалко, все было обесценено, и все было вне России. И Россия была для моего поколения или мифическая, или созданная из стихов Блока, Гумилева, Пушкина и Некрасова, гравюр Добужинского или рисунков Билибина. Было сладостно любить ее, ту Россию, смотреть и чувствовать, как любят ее наши отцы. Гораздо труднее теперь любить эту — зримую и осязаемую.

Н. И. не задавалась целью писать об отношении Реформатского к России, да и он бы этого не хотел. Но все само получилось: уникальный русский человек. Как уникален всякий настоящий человек, и как уникально, вероятно, во Вселенной наше человечество. На то есть воля Божия. И Бог в этих записках присутствует зримо и весомо, хотя *Бога человекомъ не возможно видѣти*, и Н. И. не стремилась Его показать.

Меня немножко задевает, когда говорят, что Наталия Ильина была космополитом. Я под этим словом никогда не понимал ничего дурного, и если бы сейчас оно снова стало бранным, я бы себя называл космополитом. Но во всем, что она писала, и в ней самой была чрезвычайная глубина русской культуры. Говорят, она осознала свои

корни только под конец жизни. Я так не думаю, они были всегда, просто конец жизни — это начало исповеди, и может быть, мы эту исповедь получили не до конца.

Я младше на девять лет, наш белградский очаг был особый, не похожий на парижский. В Белграде было 200 тысяч жителей и каждый пятый — русский. Практически маленький русский город. У нас даже свой МХТ был — вся труппа осталась, кроме Качалова. Была русская гимназия, в которой я учился. И Наташа тоже училась в русской гимназии. Харбин — самый чистый в эмиграции, полноценный русский город. Эмиграция, как только Гитлер появился на политической арене, разделилась на оборонцев и пораженцев. Включая великого князя, как тогда говорили, государя императора Кирилла Владимировича, многие были оборонцами. А Наталия Ильина была сознательной оборонкой. И не только во время войны. Она обороняла русскую культуру в своих книгах или, во всяком случае, не отдавала ее, не расставалась с ней.

Она была по крови дворянкой. Может быть, это не так существенно. Но она была абсолютная дворянка по духу. Это, если хотите, и есть аристократизм — ее простота, способность общаться с кем угодно на равных, никогда не ставя себя выше. Даже когда она кого-то высмеивала, она все равно не становилась в позицию «выше-ниже», она никогда не унижала человека, она делала его позицию смешной, предлагая ему подняться.

Эти уроки сохраняются в ее книгах.

Говорят, стиль — это человек. И как славно, что в русской послевоенной литературе есть такой стиль — стиль Наталии Ильиной.

Лариса Андерсен

ЭМИГРАНТСКИЕ БЕРЕЗКИ

Мы умрем, а молодняк поделят
Франция, Америка, Китай...

Арсений Несмелов

Не помню, кто сообщил мне по телефону об этом. Одно врезалось в сознание: умерла Наташа... Наташа!!! Ведь как будто совсем недавно она была здесь, у меня, и мы так хорошо беседовали¹.

Наташа... Подругами мы не были, но знали друг друга еще со времен нашей харбинской юности. Встречались иногда на вечерах литературного общества, иногда на спортивной площадке за рекою Сунгари. Случалось, у общих знакомых. Как-то раз Наташа забежала ко мне. Это было после моего первого посещения Шанхая, где я провела зиму, работая секретаршей в журнале «Прожектор». Наташа хотела поведать о шанхайских возможностях, что было уже наболевшим вопросом, так как жизнь в Харбине не предвещала ничего хорошего. Эта встреча была для нас как бы предвестником перемены в нашей жизни. Вскоре после этого мы встречались уже в Шанхае, где Наташа вполне преуспела в своей литературной деятельности. Наташу оценили, ее остроумные и порой колючие фельетоны печатались и читались. Как и в Харбине, мы встречались случайно, на улице или у знакомых, но лучше всего мне запомнилась одна беседа, когда мы сидели вдвоем на траве на каком-то пустыре, не то в саду. Запомни-

¹ О встрече с Ларисой Андерсен Н. Ильина рассказала в одной из глав своей автобиографической прозы. См.: Октябрь. 1987. № 5. — *Прим. ред.*

лось особенно то чувство легкости и созвучности, которое неожиданно возникало в нашем разговоре. И запомнилось, что Наташа сказала слегка удивленно: «Как хорошо ты меня понимаешь! С тобой так легко говорить!». Приятно было это услышать от такого насмешливого критика как Наташа, но это у нее был несомненный дар — разбудить в собеседнике соответствующую реакцию. Разговаривать с Наташей всегда было интересно, даже болтать о пустяках. Несмотря на то, что мы были разные и, вероятно, не во всех вопросах могли быть согласны.

Вот и наши дороги пошли по-разному...

Войну, конечно, она и я, как и все наши друзья, переживали одинаково: трепетали за ее исход и за участь своих, русских. Но когда война кончилась и возникла возможность ехать на родину, Наташа сразу — сознательно и целеустремленно — решила ехать. Вообще не поехали только те из моих «литературных» друзей, у которых были сложные семейные обстоятельства. Я металась в нерешительности: из Шанхая почти все уезжают, работу находить трудно, а «там» что я смогу делать? И — тоже проблема: мой одинокий отец, который уже несколько лет ждет меня в Канаде, после того как я при помощи Красного Креста выписала его из Харбина. Все это время китайцы меня почему-то не выпускали.

На мосту

На том берегу — хуторок на поляне,
И дедушка тополь пред ним на посту.
Я помню, я вижу сквозь слезы, в тумане,
Но все ж я ушла и стою на мосту.

А мост этот шаток, а мост этот зыбок,
От берега деда на берег... иной.
Там встретят меня без цветов, без улыбок,
И молча ворота захлопнут за мной.

Там дрогнут и хмурятся темные ели,
Там, ежась от ветра, мигает звезда...
Там стынут улыбки. И стонут метели.
Нет, я не дойду, не дойду никогда.

Я буду стоять, озираясь с тоскою
На сторону эту — на сторону ту...
Над пастью обрыва, с проклятой рекою
Одна на мосту.

Случай или судьба, но все разрешилось вроде как без моего участия: за ужином во французском клубе моим соседом оказался новоприбывший служащий французского пароходства, и после нескольких встреч с ним я поняла, что мой путь лежит не в Советский Союз и не в Канаду, а во Францию.

И вот в этой совсем новой жизни — опять Наташа. Несколько коротких встреч в Париже, где она навещала сестру и племянницу, и наконец Наташа у меня, в маленьком городке в верховьях Луары, где я, увы, уже одна среди гор, лесов и лугов. Где мы и разговорились о перемене в нашей жизни и о том, кто сожалеет об этом и кто — нет.

Наташа не жалела. Она знала, чего хотела, и ее цель была достигнута: она хорошо работала, ее ценили, книги издавались и читались. И, преодолев некоторые трудности и лишения и даже помехи, она заслужила нужную для работы репутацию и возможность выезжать. И, конечно, у нее там была «атмосфера» и встречи с другими писателями, свой язык...

А я? Опять не знаю: и жалела, и нет. Жаловаться не имею права: французская семья приняла меня хорошо, я влюблена в эти леса, среди которых живу, я повидала, благодаря работе мужа, много интересных стран. Ведь главной причиной опасений ехать в Союз было: вдруг захочу уехать, и нельзя. И моя проблема с отцом разрешилась — я выписала его из Канады, и он был со мной до самой смерти. (Как ему понравились эти леса, напомнившие его родное Полесье!) А еще я смогла несколько раз съездить в Москву и в Киев к моей тетке, сестре отца.

Но все же во всех этих странах — Индии, Африке, Вьетнаме, на Таити, где мы жили 10 лет по-королевски, да еще возвращаясь каждые два или три года во Францию

на время отпуска, — почти всегда не хватало «своей» атмосферы, «своих» людей. Я совсем не националистка и не считаю, что русские обязательно «лучше всех». Да и бывают русские — «не свои», но сколько раз, сидя разряженной светской дамой на каком-нибудь приеме или ужине и растеряннo улыбаясь, когда начиналась «тонкая игра слов», которой я не понимала, я мечтала о русском застолье в какой-нибудь уютной кухоньке, где я могла бы посмеяться со своими русскими друзьями. Конечно, язык — это общение, а чужой язык — преграда. Но только ли язык? Есть еще что-то неуловимое, что делает людей «своими», даже чужестранцев. Общие интересы? Скорее некая общая закваска, существовавшая, может быть, раньше нас самих. Боюсь, что и мой отец скучал еще больше, чем я, сидя в Индии среди гостей, которых следовало пригласить и о которых потом даже не вспомнишь. Нужен ли ему был этот лакей в белой чалме и белых перчатках, разносивший блюда? Насколько счастливее был бы он, если бы мог побеседовать с русскими друзьями и пойти в русскую церковь...

Нет, я не могу жаловаться: теперь, когда я осталась одна, я вижу, сколько добрых и внимательных людей и среди французов... Но настоящая радость для меня это — когда приезжают в мою «трущобу» мои русские друзья. Тогда я словно возвращаюсь домой, к себе самой.

Я едва пробираюсь тропинкой узкой
Меж стенами пшеницы, пшеницы французской,
Как в России синеют, смеясь, васильки...
Васильки васильками, друзья далски!

Если правда, что можно летать после смерти —
Просто так: обо всем позаботятся черти —
Ни билетов, ни виз, — то куда бы сперва?
Закружится, боюсь, у чертей голова.

На Харбин, на Шанхай, на Мадрас, на Джибути?
На Сайгон, на Таити... Москву не забудьте!
Тель-Авив, Парагвай, Сан-Франциско, Канада,
Сидней, Рио, Гонконг... И Варшаву мне надо!

Да еще... Соловки, Колыму, Магадан...
На метле? Я готова. Тащи чемодан!

И вот Наташин приезд. Как хорошо мы поговорили! И я была рада, что она сказала мне как когда-то: «Как легко с тобой говорить, ты все понимаешь с полуслова. Мы на одной волне, я с тобой отдыхаю. Все эти новые знакомства...». И мы всласть поездили с Наташей по здешним окрестностям. Она удивлялась, что во Франции есть еще такие дикие места. Для пушного эффекта лесная косуля перебежала нам дорогу под самым носом.

«Ну а как твои стихи?» — спросила Наташа, когда мы вернулись с прогулки. И процитировала наизусть мой стишок о березке:

Я березку вдруг захотела
Посадить у окна в саду.
Но фантазиям нет предела,
Только силам есть, на беду.

Тут березка! Но я — сломалась.
Видно, вышел просчет в пути:
Мне осталась такая малость,
А березке еще расти.

И кому и что она скажет
Русским сказом, если не мне?
Ведь берез на кладбище даже
Не посадят в этой стране.

Здесь береза — дров не дороже,
И еще зовут, как назло,
Грубым именем, так похожим
На жаргонный пошиб: Було¹.

«Хорошо», — сказала Наташа. И спросила: почему это все эмигранты всегда пишут о березках? Позднее в ответ на это я написала еще одно стихотворение:

¹ Во французском языке существуют два омонима: *bouleau* — березка; *boulot* — работа (на жаргоне). — Прим. ред.